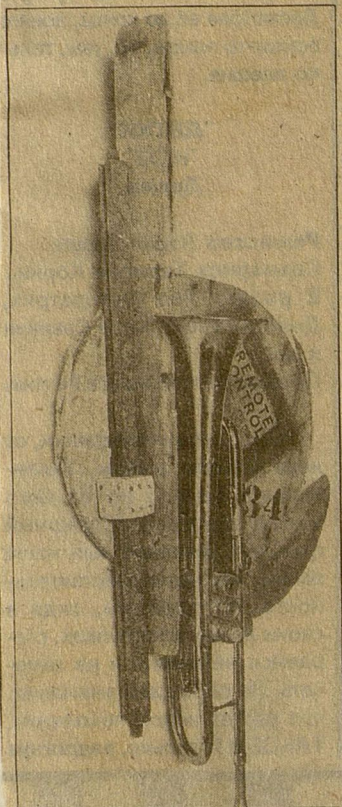

Выставки недели

Может, у вещей душа другая?

В ЦДХ завершает работу выставка живописи, графики и объектов молодого художника Кирилла Данелии, живущего в Нью-Йорке. Ежегодно московская галерея «Пан-Дан» организует в России выставки его работ. На этот раз представлено около 80 новых картин и объектов, продолжающих любимую тему художника, - жизнь вещей, иными словами, натюрморт.

Натюрморт - жанр особый. Это не столько изображение предметной среды, сколько мо-

дель самоощущения художника. В отличие от туповатого французского «натюр-морт» - «мертвая натура», англичане и голландцы называют этот жанр иначе - «тихая жизнь вещей», наделяя предметный мир живой душой и видя в нем человеческие начала.

Каждый видит мир по-своему, поэтому и натюрморты бывают разные. Кто рисует серебряные кубки и золоченые ковши, кто - экзотические фрукты и цветы. Любимов Кирилла Данелии - старые вещи. По собственному признанию, его тянет к свалкам - автомобильным и обыкновенным, откуда он беспрепятственно тащит в мастерскую всякий хлам, а затем колдует, создавая особые миры, в которых эти старые вещи обретают новую, странную жизнь.

Эти «другие миры» художник создает по-разному: иногда рисует их, иногда монтирует из реальных предметов. Но почему-то настолько по-разному, что создается впечатление: перед нами работы двух разных художников.

Один из них, пишущий картины, - сердитый, хмурый, к вещам относится с подозрением. Об этом говорят даже краски, которые он выбирает - черные, грязно-коричневые, серо-желтые. Фактура полотен нарочито корявая, грубая, имитирующая старые облезлые стены. Все предметы, даже те, что обязаны быть круглыми - патефонные пластинки, джезвы для кофе - производят какое-то колющее впечатление, ибо написаны резкими, рваными мазками. Таких картин у Данелии много. Может быть, он пытается передать ими тоску буден - осенних, холодных, неуютных, в огромном чужом городе? Для меня его картины чем-то созвучны описанию Нью-Йорка, сделанному когда-то Маяковским: «В узких ущельях домов гу-

дит какой-то авантюристический ветер, срывает, громыхает вывесками, пытается свалить с ног и убегает, безнаказанный, никем не задержанный, сквозь версты десятка авеню, прорезывающих Мангеттен вдоль - от океана к Гудзону»...

И совсем другой Данелия, когда он делает ассамбляжи - композиции из реальных вещей - того же старья. Может быть, многое зависит от того, что основной его материал - дерево: доброе, теплое, можно сказать, гуманное. Диву даешься, где он сумел раздобыть в «каменных джунглях» столько деревяшек и в стольких вариациях. Порознь - утиль, вместе - объект, ансамбль, что-то значащий, вызывающий массу ассоциаций. Как хорошо с теплотой и «добротой» дерева контрастирует длинный ржавый гвоздь или осколок патефонной пластинки... В объекте «Сент-Луис блюз» старая труба, смонтированная с деревянными обломками, каким-то непонятным образом подымает волну ностальгических воспоминаний о «золотом веке» джаза, о старом блюзе, который до сих пор остается позывными поколения 50-х годов. Особую роль и здесь играют бутылки. К. Данелия подвергает их термической обработке - сплющивает, вытягивает, изгибает, придавая им пугающе живой блеск. И снова вспоминаются строки немого сегодня, но от этого не становящегося хуже поэта, написавшего в 1913 году в трагедии «Владимир Маяковский»: «Вот видите! Вещи надо рубить! Недаром в их ласках провидел врага я! - А; может быть, вещи надо любить? Может, у вещей душа другая?».

Олег ТОРЧИНСКИЙ.

На снимке: объект «Сент-Луис блюз».

Моск. пр-ва - 1996. - 5 дек. - с. 5